

ДАМА ВЧЕРНОЙ ПЕРЧАКЕ

И ДРУГИЕ ПРЕСЫ

ВАДИМ ШЕРШЕНЕВИЧ

Вадим Габриэлевич Шершеневич «Дама в черной перчатке» и другие пьесы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60239348

*«Дама в черной перчатке» и другие пьесы: Водолей; Москва; 2020
ISBN 978-5-91763-507-1*

Аннотация

В настоящем издании впервые с полным охватом представлены драматические произведения поэта В.Г. Шершеневича (1893–1942) имажинистского периода его творчества. Монологическая драма «Быстрь» (1916) и трагедия великолепного отчаяния «Вечный жид» (1919) были дважды опубликованы в 1996 и 2000 гг., арлекинада «Одна сплошная нелепость» (1922) – библиографическая редкость – известна лишь по изданию 1922 года, а мелодрама-сатира «Дама в черной перчатке» (1921), много лет шедшая на различных сценических площадках, не была издана и впервые предстает перед читателями.

Содержание

От составителей	7
Быстрь	14
Предисловие	16
Действие первое	19
Действие второе	35
Вечный жид	65
Действие первое	68
Действие второе	83
Действие третье	94
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Вадим Шершеневич
«Дама в черной
перчатке» и другие пьесы

Составление, подготовка текстов, вступительная статья и комментарии – *В.А. Дроздков, А.А. Николаева*

В оформлении обложки использованы рисунки *Б.С. Земцова и Б.Р. Эрдмана*

© В.А. Дроздков, составление, вступительная статья, комментарии, 2020

© А.А. Николаева, составление, вступительная статья, комментарии, 2020

© Издательство «Водолей», 2020

От составителей

Идея напечатать в отдельном сборнике четыре ранние драмы Вадима Габриэлевича Шершеневича созрела в процессе работы над однотомником его произведений в стихах и прозе «Великолепный очевидец» (М., 2018). В него удалось включить основной корпус стихотворений (в том числе не публиковавшихся) и все поэмы. В прозаической части книги были полностью напечатаны мемуары, охватившие период 1910–1925 гг., и другие избранные произведения сюжетной, публицистической, экспериментальной и военной прозы. Вместе с тем, в силу ограничений, накладываемых издательской рубрикой «Поэты в стихах и прозе», за рамками публикуемых материалов оказались драмы Шершеневича, прежде всего ранние, написанные в самый активный период его поэтической деятельности: монологическая драма «Быстрь», трагедия великолепного отчаяния «Вечный жид», американская мелодрама-сатира «Дама в черной перчатке» (все пьесы написаны в стихотворной форме), арлекинада «Одна сплошная нелепость» (написана прозой со стихотворными вставками).

Первые два произведения, изданные при жизни автора (1916 и 1919 соответственно), можно найти также в сборниках, вышедших после его смерти, но это сборники двадцатилетней давности: Вадим Шершеневич. Листы имажи-

ниста: Стихотворения. Поэмы. Теоретические работы. Ярославль, 1996 и Вадим Шершеневич. Стихотворения и поэмы. СПб., 2000 (Новая библиотека поэта. Малая серия). Третья пьеса, «Дама в черной перчатке» (1921), никогда не публиковалась, но Опытно-героический театр осуществлял ее постановки на различных сценических площадках в 1922–1923 гг., а позднее, в 1923–1925 гг., это драматическое произведение ставили и другие театры. Последняя из данного списка пьеса «Одна сплошная нелепость», изданная в 1922 году в книгоиздательстве «Имажинисты», давно стала библиографической редкостью, о чем говорит ее первое за двадцать лет появление на книжных аукционах (аукцион «Литфонд», 15.06.2019) и продажа за рекордную для книг Шершеневича цену. Приведенная информация, несомненно, указывает на актуальность издания ранних пьес Шершеневича.

Первые драматические произведения В.Г. Шершеневича – монологическая драма «Быстрь» (1916) и трагедия великолепного отчаяния «Вечный жид» (1919) – демонстрируют близость к жанру монодрамы, который получил новое развитие и был особенно актуален как раз в эпоху создания данных произведений. Его концепцию активно разрабатывал в начале XX в. режиссер, драматург, критик Н.Н. Евреинов. В спектакле «Франческо да Римини» (1908) с В.Ф. Комиссаржевской в главной роли он впервые применил в режиссерской работе принцип монодрамы: все события словно про-

ещировались через сознание главной героини. Монодрама как экспериментальный жанр начала XX века, не получивший полной реализации, ставила своей целью эмоционально воздействовать на зрителя, старалась вовлечь его в происходящее на сцене, сделать соучастником действия. В.Г. Шершеневич в своих ранних пьесах пытался достичь того же эффекта. Определяя взаимоотношения автора и читателя в теоретической работе «Зеленая улица» (1916), он отмечал: «Задачей поэта является исключительно ввести читателя в круг динамических чувствований и предоставить ему самому натолкнуться на то или иное переживание». К этому поэт стремится в драме «Быстрь», где в центре повествования находится Лирик, остальные же герои являются его «проекциями», служат «фоном», оттеняют эмоциональные переживания героя. Принципов монодрамы Шершеневич последовательно придерживается и в своей второй пьесе. Все строится вокруг центрального действующего лица – Поэта, настраивающего читателя/зрителя на восприятие именно его точки зрения. Остальные персонажи являются своего рода «двойниками» либо «проекциями» этого главного героя.

Однако не все исследователи относят данные произведения к драматическому роду. В биобиблиографическом словаре «Русские писатели» (1990) «Быстрь» и «Вечный жид» рассматриваются как поэмы. Возможно, это связано с тем, что В.Г. Шершеневич в это время издавал лишь стихотворные сборники, настроения которых получили свое дальней-

шее развитие в этих пьесах, а также с оговоркой самого автора в предисловии к драме «Быстрь»: «Эта поэма была написана мною на перегибе 1913–1914 годов». Данное замечание дает основание составителю одного из сборников произведений В.Г. Шершеневича В.Ю. Бобрецову сомневаться в возможности отнесения этих произведений к драматическому роду: «Едва ли спорна жанровая соотнесенность таких произведений, как «монологическая драма» «Быстрь» и «трагедия великолепного отчаяния» «Вечный жид». <...> Элементы драматизации текста (как следствие влияния «теории монодрамы» Н. Евреинова на поэзию 10-х годов в целом) отнюдь не дают оснований переводить эти поэмы в разряд «драматических произведений»» (Шершеневич В.Г. Листы имажиниста: Стихотворения. Поэмы. Теоретические работы. Ярославль, 1996. С. 510–511).

Арлекинада «Одна сплошная нелепость» (1922) более сценична, неслучайно работа над ее постановкой активно велась в 1921–1923 гг. на разных театральных площадках Москвы. При этом следует отметить: Шершеневич реализует в пьесе определенные принципы имажинистской эстетики. Так, Арлекин проповедует новую гедонистическую религиозную философию, согласно которой главным объектом поклонения является человеческое веселье (в понимании героя это и есть настоящее счастье), состоящее из влюбленности, смеха и улыбок. Такая концепция пьесы напрямую связана с теоретическими установками имажинистов, а во-

прос о природе радости поднимался и в книге В.Г. Шершеневича « $2 \times 2 = 5$ ». В этой теоретической работе поэт пишет о возможности свободного обращения с композиционными частями стихотворного произведения: «Необходимо, чтоб каждая часть поэмы (при условии, что единицей меры является образ) была закончена и представляла самодевлеющую ценность. <...> Стихотворение... толпа образов; из него без ущерба может быть вынут один образ и вставлено еще десять». Данный композиционный принцип Шершеневич применял и к драматическим произведениям, доказательством чего является «разрозненность» сцен пьесы «Одна сплошная нелепость».

Американская мелодрама-сатира «Дама в черной перчатке» (1921) создавалась с целью реализовать разработанную Вадимом Шершеневичем и актером, художником, режиссером Борисом Фердинандовым теорию метро-ритма на практике в созданном ими Опытном-героическом театре (ОГТ). Новаторство Шершеневича в области теории театра заключается в том, что поэт стремился подчинить все элементы принципам метро-ритма, с научных позиций обосновать театральное творчество в противовес импровизационному способу работы. В этом отношении поэт создает новаторское с точки зрения ритмического рисунка драматическое произведение, где ритм призван передать характер персонажа. Пьеса написана стихами, причем для речи каждого героя используется свой стихотворный размер. О том, что драма-

тическое произведение может быть написано с целью решения творческих задач определенного театрального коллектива, Шершеневич писал в статье «Поэты для театра» (1922): «... я все яснее и яснее убеждаюсь, что драматургическая деятельность в том виде, как она была до сего времени, т. е. писание пьес – должна вымереть. <...> ...надо строить словесный материал по тем формам актерского волнения, которые разработаны коллективом. Совершенно так же, как композитор пишет определенную музыку на данные слова, так же поэт должен писать определенное словесное построение на разработанную фабулу волнений». Эту же мысль поэт продолжает в статье «Драматурги» (1922): «Пьесы могут писаться только применительно к конкретному составу труппы. Не может быть распределения ролей перед постановкой. Это распределение должно быть до написания пьесы».

Следует отметить еще одно обстоятельство. Тексты трех пьес говорят о свободном владении автором футуристическими и имажинистскими приемами версификации. Однако вызывает удивление пьеса «Дама в черной перчатке», демонстрирующая способность автора творчески раздваиваться. Она написана классическим стихом, хотя одновременно с работой над этой пьесой поэт писал имажинистские поэмы, вошедшие в его сборник «Кооперативы веселья». Отход от имажинистской поэтики был вызван необходимостью иметь поэтический текст, который бы позволил применять разработанный Б.А. Фердинадовым и В.Г. Шершеневичем метод

метро-ритма для выявления актерского слова, движения и волнения.

Быстрь

Монологическая драма

*Жанне Евгеньевне Кожебаткиной – в знак
уважения и преданности*

ВАДИМЪ ШЕРШЕНЕВИЧЪ

БЫСТРЪ

Монологическая драма

«ПЛЕЯДЫ»

Предисловие

Эта поэма была написана мною на перегибе 1913–1914 годов. По многим причинам, главной из которых является война, я не выпускал в свет это произведение.

Ныне, издавая его, я еще яснее, чем прежде, вижу, что мне нечего объяснять в нем. Все вопросы, касающиеся формы моих стихов, я выяснил в предисловии к «Автомобильей поступи» и в своей теоретической «Зеленой улице»; у меня нет ни времени, ни охоты повторять все снова. Других же вопросов и сомнений не должно возникнуть, а если и возникнут, то вне моей компетенции разрешать их.

Заранее, во избежание нареканий, заявляю, что речи и монологи не могут быть приписываемы кому-нибудь из ныне здравствующих лиц: я далек от мысли быть портретистом.

Слова лирика, вероятно, говорю я сам, но не я, Вадим Шершеневич, проживающий и т. д., а «я».

Осень 1915

Вадим Шершеневич

Говорят:

Лирик.

Сторож.

Женщина.

Мужчина.

Другой.

Третий.

Грузовик Чичкина.

Трамвай.

Старики.

Девочка.

Невеста.

Газетчик.

Юноши.

Поэт-академик.

Влюбленный.

Разносчик.

Из I-го этажа.

Из II-го этажа.

Равнодушная.

Биплан.

Голос.

Из бельэтажа.

Любимый поэт.

Голоса из толпы.

Другой.

Художник.

Крики из толпы.

Критик.

Мотор.

Приват-доцент.

Действуют:

Сандвичи, газетчики, толпа, пожары, шум, гул, звуки, пожарные автоматы, дома, наряд Армии безопасности, голова Лирика, думы Лирика, мотор, кусающий Лирика, предметы, самолеты, моторы, небоскребы, комоды, кровати, динамомашинки, вывески, крыши, Аэро, жандармские самолеты, рекламы, дом с незакрытой стеной, улица, площадь, пожарная автомобилька, тэф-тэф похоронного бюро, гроб, труп, башенные часы, стрелки часов, мотор, ворвавшийся в небо, обрушившийся дом, мотоциклы, вопли, огни кинематографа.

Действие первое

Площадь. Вечер. Волны шума и валы гула, из которых выбиваются брызги звуков. Площадь иногда поворачивается кругом, авансцена оказывается позади. Иногда свет на площади гаснет и действие ведется на вдруг загоревшихся улицах. Ходят сэндвичи и кричат газетчики. Толпы народа. Трамвайное движение. Шмыганье моторов. Часто вспыхивают пожары, и грохот пожарных автоматов почти заглушает разговор.

Лирик:

Эй, прохожие в котелках, в цилиндрах и в панамá!
Вы думаете: это трамвай огромной электрической акулой
Скачет по рельсам, расчесывая дома
Массивной гребенкой широкого гула?!
Тащите на площади сердца спать!
Смотрите: как блохи
В шерсти дворняжки, в мостовой не устали скакать
Мотоциклов протертые вздохи.
А у электролампы кровью налились глаза,
И из небоскрежного подъезда, приоткрытого немножко,
Вытекла женщина, как слеза,
Как слюна; женщина, одетая в весеннюю крошку.

Клубится,
Дымится
Перезвон,
Смуглеет шум и вспых увертливого крика.
Я вчера слышал, как мотор потерял стон,
Который вдруг съежился дико.
У меня вчера по щеке проходил полк солдат,
А сегодня я его доедаю, как закуску,
И пляшут дома вперед-назад,
Одетые в вывесочную блузку.

*Подбегает сторож. На нем кокарда Социалистического
Государства. Через плечо сумка.*

Сторож:

Эй! Ты потерял
Кусок своего сердца – вон там, на углу,
Где трамвай сошел с рельс от этого.

Лирик:

Столько сердец я уже покупал!
И в каждом находил иглу

И маленькую юродивую мглу.

Женщина:

(спрыгивая с крыши)

А сердце рябое, словно намазанное икрою кетовой.
Неужели ты каждый день рождаешь стишки?
Каждый день ты беременеешь от событий,
А к ночи бумага протягивает жест акушерской руки,
Чтоб вытащить звучные прыги
Твоих стихов, – и тебе не надоест?
Смотри, как разбухла... твоей души!
Она раскрыта, как до одиннадцати подъезд,
А в твоём мозгу рифмы ползают, как вши,
Живот твоего сердца от напряжения высох,
Под глазами провалы, как от колес. Неужели
Напрягаются снова мускулы мятежа?

Врывается Грузовик Чичкина.

Грузовик:

Трррррр! Близок!
Мятеж ошетинился иглами ежа.

Мои дымовые хвосты обтрепались и поредели.
Трррррр! Я сморщился, как лягушачий скелет.
Трррррр! Мои ноги от водянки распухли.
Вы все прокисли, вы все обрюхли,
Каждый из вас глупее, чем этот поэт,
Который все пишет, пьет, пишет и пьет ирруа,
Обвивает вокруг себя водосточные трубы,
И думает, что это боа —
Конструктор, и целует у небоскребов оконные губы.

Взрывается.

Лирик:

Так ведь меня же разобрали трамваи до конца,
Вдоль, и поперек, и навзрыд. Лают авто.
У меня полысела радость лица,
А небо запахло от холода пальто.
У пальто отлетела одна пуговица от борта
И виснет на огненной нитке,
А люди глупые вопят: «Метеор-то!»
Я дроблюсь в неистовой пытке.

С противоположного тротуара прыгивает дом и пробирается сквозь гуцу движения послушать Лирика. Какой-то трамвай в бешенстве стал на дыбы.

Посмотрите, близорукцы! Я наступил
Бипланом на юбку вальсирующих облаков!
У моих стихов
Нет больше рявкающих сил,
А вместо них выросла сотня слоновьих клыков.
И моя пытка длинна, как хобот слоновий,
Мне кажется, что я и сам слон —
Такой я большой и добрый, и столько из меня течет
крови,
А город вбивает мне в уши перезвон,
Перезвон влез в мой слух, стал жутким и рослым,
Сдавил щипцами идей мою розовую похоть.
Меня город мотором сделал, и я сюда послан,
Чтобы вас научить быстреть и не охать.

Женщина:

Ты никогда не видал, как море зелено-железные завитки
Прибоя вплетает в косы прибрежий?!

Лирик:

Зато у меня миллион и еще четыре руки,
А искренность все реже.

Только это ничего. Можно водку
Пить и без салата густого;
Я вчера утром завязил в асфальте мою походку,
Зато выиграл в лотерее-аллегри корову.

Женщина:

Ты растратил мысли, как спички.
Купи новую коробку – это стоит пустяки;
А то смешно: у тебя кружевные лифчики,
А на глазах продранные чулки.
Ты косишь правым сердцем!

Сторож:

А левое
Трамвай расплющил!

Трамвай:

Мммммммпушшш!

Лирик:

Эй, здравый смысл – тубо! Куш!
Я – голенький! Но меня зовут королевою,
Потому что только на меня время льет холодный душ,
Ведрами дней меня окачивает впопыхах.
Ко мне набережные протягивают виадуки,
Хватают меня за шею, копышатся в моих глазах
Эти стопудовые, литые руки.
Только мне кивают железобетонье,
Только для меня сквозь ресницы портьер бле —
стят зрочки люстр, как головки на вербе,
А век сквозь слезы мне предлагает многотронье.
А я удивленно, как ставший отцом апаш,
Обещанье кидаю в мозг ваш.
Электричеством вытку
Вашу походку и улыбку,
Вверну в ваши слова лампы в тысячу свеч,
А в глазах пусть заплещется золотая рыбка,
И рекламы скользнут с индевеющих плеч.
А город в зимнем белом трико захохочет
И бросит вам в спину куски ресторанных меню,
И во рту закопошатся куски нерастраченной мощи,
И я мухой по вашим губам просеменю.
А вы, накрутив витрины на тонкие пальцы,

Скользких трамваев огненные звонки
Перецелуете, глядя, как валятся, валятся, валятся
Бешеные минуты в огромные зрачки.
Я, обезумев, начну прижиматься
К вспыхнувшему бюстам особняков,
И ситцевое время с глазом китайца
Обведет физиономию стрелкой часов.
Так уложите, спеленав, сердца в гардеробы,
Пронафталините ваш стон,
Это я вам бросаю с крыши небоскреба
Ваши привычки, как пару дохлых ворон.

Старики:

От твоих слов теплеют наши беззубья и плечи,
Ты, наверное, вешний!
У тебя такая майющая голова,
Мы, как молочко, пьем твои слова!

Лирик:

Вы думаете, я с вами шамкать рад!
Ведь вы только объедки,
Вам каждому под пятьдесят;

Двадцать лет назад
Вы уже были марионетки!
А теперь вы развалились по всем
Частям, и к вам льнет черной мастью взлохмаченная
лопатой могила,
От вас пахнет загробьем, вы не надушились совсем
Жизненной брыкающейся силой.

Юноши:

Но мы не успели постареть, и хоть
Нам ты вывори своей души карман со словами!

Лирик:

А зачем
Вы унесли свою плоть
И сами
Заложили ее в ломбарде?!
Я не кий, чтобы вами,
Как шарами,
Играть на огромном городском биллиарде.
Смотрите,
Вот вы стоите

Огромной толпой,
Толпой огромною очень,
А я вас бью, и никто с кошачьей головой
Не бросит ответно мне сто пощечин.
Смотрите,
Вот вы стоите,
А воздух нищий,
Как зеркало, и в нем отображено
Каркающее, летящее кладбище, —
Разве не похоже на вас оно?

Растет.

Разбивайте скрижали и кусками скрижалей
Выкладываете в уборных на площади полы!
Смотрите: вас заботы щипцами зажали,
И вы дымитесь, клубясь, как сигара среди мглы.
Из ваших поцелуев и из ласк протертых
Я сошью себе прочный резиновый плащ
И пойду кипятить в семиэтажных ретортах
Перекуси страсти и цианистый плач.
Чу! Город захохочет из каменного стула,
Бросит плевки газовых фонарей,
Из подъездов заструятся на рельсы гула
Женщины и пiski детей.
А вдруг это не пiski, а мои мысли, задрав рубашонки,
Шмыгают судорожно трамваев меж.
Они привыкли играть с черепахой конной конки,
А вместо матраца подкладывать мятеж

Огненный, как небопleshь.

Еще растет. Показывается наряд Армии безопасности, окружающий Лирика. У Лирика трескается голова, и думы выползают, как сок из котлеты. Лирик ловит у себя на ноге мотор, который кусал его. Предметы собираются и слушают его. Аэропланы птичьей стаей кружатся около его головы; некоторые, более доверчивые, садятся на его голову. Толпа моторов собирается у ног. Из небоскребов выползают комоды, кровати, динамомашинны. Несколько вывесок и крыши аплодируют говорящему. Юноши недовольно слушают. Лирик нагибается и прикуривает сигару о фонарь.

Вы думаете, я пророк и стану вас учить,

Как жить

И любить,

Как быть

К силе ближе?!

Да из вас можно только плети ссучить

И бить

Плетьми вас самих же.

Вы все глупые, как критики, вы умеете только

Выставляться картинками на вернисаже,

Чтоб приходили женщины с мужьями, садились за столик

И вас покупали на распродаже;

И даже

Повешенные в спальне, боитесь вылезть из рамы,

И у вас хватает

Трусости смотреть,
Как около вас выползают
Из юбок грудастые дамы,
Перед тем как ночную рубашку надеть!
А вы висите смиренно
Вместо того, чтоб вскочить и напасть
На лежачую
И прямо
В лицо ее жирное
Швырнуть, как милость, беззрячую
И колючую страсть.
Измять, изнасиловать, проглотить ее,
– Торопливую служанку прихоти! —
Ну, чего вы развесили глупцо свое,
Точно манекены из резины
При выходе
Из магазина?!

Опирается на каланчу.

Это мне было скучно, и потому
Я с вами
Болтал строками
Веселыми,
А теперь я пойду ворошить шатучую тьму,
В небоскрежные окна швыряться глазами
Голыми.
Это я притворялся, чтоб мои пустяки
Жонглировали перед вами, а вы думаете, что это

откровенья!

Посмотрите, у меня уже только четыре руки,

Но зато солидные, как мои мученья.

А эта женщина боится пойти со мной,

У нее такое хилое тело, с головы до пяток,

Ей кажется, что она влезет в меня с головой,

А я проглочу женщин еще десяток.

Поэт-академик:

(торжественно, пророчески и задушевно)

Благословляю разрушителя!

Ты – пуля, молния, стрела!

Но за меня, за охранителя

Святынь людских, – и тьма, и мгла.

Пусть на́ душу твою покатаю,

Как крыша, каплет солнца дождь.

С тобой сражусь, клянусь Гекатою,

Я, книг и манускриптов вождь.

Ты – с дикой силой авиации

Меня разишь, свиреп и дик,

Но тайной чарой стилизации

Я трижды изменяю лик.

Ты – резкой дланью электричества
Проникнешь ли в глухой альков,
Где панцирь моего владычества —
Святая пыль святых веков;

Где, как вассал пред королевою,
Склоняюсь я в венке из звезд,
Где сатане творю я левою,
А правую – могучий крест,

Где кудри русые иль черные
На седину переменив,
Найду в листах мечтой упорною
Я пушкинский иероглиф.

Дано судьбою мне печаль нести
И песнь с востока на закат.
Над башнею оригинальности
Мое лицо, как циферблат.

И ты, кто родствен с бурей, с птицами,
Следи зрачками вещих глаз,
Как на часах в ночи ресницами
Я укажу мой смертный час.

Лирик:

Бросайтесь в Ниагару потому, что это обыкновенно,
Потому, что ступенится площадь домами.
Вы слышите: из-за угла воет надменно
Огромный аэро с кометистыми хвостами.
Громоздится вскрик у руля высоты,
Спрыгивает похоть в экстазе,
У нее моторы прыгают в каждой фразе,
Она оплевывает романтику и цветы.
И в ее громоздкий живот запрячусь я на́ ночь,
Чтоб уррра с новой мощью поутру кричать.
А вас каждого зовут Иван Иванович,
И у каждого на глазу бельмится мать.
Вы умеете только говорить по телефону,
А никто не попробует по телефону ездить.
Обмотайтесь, как шарфом, моим гаерским стоном,
Вы, умеющие любовниц только напоказ созвездить!

Члены Армии спасения приближаются и пробуют задержать Лирика, но он – такой большой, колоссальный – легко расшвыривает их. Аэро, о котором говорил Лирик, близко. Оно огромное, под стать Лирику. Вырвавшись от назойливых, Лирик вскакивает в аэро и поднимается. Немедленно целые отряды жандармских аэро нападают на Лирика, но он крошит врагов, и получается дождь падающих аэропланов.

Ведь если меня хотят схватить городовые,
Так это пустяки. До свиданья. Тра-та-та-ту! Тра-та-та-ту!
Носите на душах мои пощечины огневые
До нового плевка на Кузнецком мосту.

Улетает.

Действие второе

Улица. Быстрая смена дневных реклам. Ближний дом с незакрытой передней стеной: все квартиры видны. Улица все время дрожит, точно на нее смотрят в бинокль, перевертывая его: она то страшно увеличивается, то ребячески уменьшается.

Влюбленный:

Снова одинок... Снова в толпе с ней...

Снова полосую воздух широкобокими криками, как плетью.

Над танцем экипажей прыгают с песней,
Негнущаяся ночь и одноглазый ветер.

Равнодушная:

Загоревшие от холода дома и лысина небесная...

Вывесочная татуировка на небоскребной щеке...

Месяц огненной саламандрой взлез, но я

Свой обугленный зов крепко зажала в руке.

*Проходят. Над [улицей] кружится планирующий спуск
биплана, с которого кричит*

Лирик:

Но-но! Моя лошадка! Я поглажу твою шею,
Взмыленную холодом. Не вертись! Здесь нет вокруг
далеко луж!

Эй, не балуй! Правее, правее, правее, правее!

Не задень, конь мой,

Голубой

Небесный околыш!

Ты помнишь: я кричал дуракам: «Бросьте ком
Мин тупых и гладких, как плечи!»

Ну, что ты вертишь хвостиком,

Словно пишешь письмо вон этой пешей!

Спускается. Спрыгивает с биплана.

Она такая же глупая, как и все. Она каждый день

Кладет на одну чашку тело,

А на другую душу.

И радуется смело,

Если душа перетянула. Ей не лень

Поутру считать: сколько будет – океаны плюс суша.

У нее на грудях холодные объедки поцелуев мужа.

А она ими голодного любовника потчует.

Как канарейки;
Покупало у меня жалость,
Пока на веки его не легли облака, словно трехкопейки.

Женщина:

Сегодня в город прибежала ужасно перепуганная судьба,
Что-то кричала вроде
Того, что умирает возле афишного столба,
Обещалась быть подобной погоде,
Переменчивой и нужной. «Только спасите!» – кричит,
Трясет бутафорией оккультных книг,
Хлопает домами, трещит,
Пищит,
А из ридикюля выпрыгивает за мигом миг.

Лирик:

Чего же вы все закисли, как сосиски,
Выжеванные, тощие, как брошюрки стихов?!
Возьмите пальцы судьбы, как зубочистки,
И ковыряйте ими между гнилых веков.
Если мир развалился уютно в каменном стуле
И хрюкает хлюпаньем хлябких калош,

Так это потому, что секунды-пули
Оставили следы, которых не сотрешь;
Потому что старая, дряхлая истина докурена,
А кому охота курить окурки, если есть папиросы.
Жгите Голубиную книгу! В обложке лазури она!
Человечество при смерти от книжного поноса!

Голос:

Если б построить башню...

Другой:

Да, да! Башню громадную
И вскарабкаться на небо! Там, вероятно, тепло.
Там уютно, там зала такая необъятная,
Где ангелы поют светло.

Лирик:

Да неужели вы не знаете, что все охрипли,

Что у них пополневшие голоса!
Они и петь-то отвыкли
С тех пор,
Как в проходной двор
Обратились
У пропали бицепсы и сердечные мускулы,
Они стали похожи на мопсов толстых;
Только и делают, что поднимают воронки ветра узкие,
Как фужеры, и рычат тосты.
Шейте из облаков сорочки бессвязно,
На аршины продается лунная бахрома.

Художник:

Он все врет! Сверху косматый город кажется только
грязной
Скатертью, на которой крошками набросаны дома.
И наше счастье, что любовь не спустили мы
С камнем на шею в муть его лирических валов.

Лирик:

О да! Я знаю: весь мир – это длинная, нервующаяся
кинемофильма

Окровавленных, прыгающих женских языков.

Художник:

Как на крыльях мельницы, в водовороте событий
Ты, желающий жить, успел истлеть!

Лирик:

Неправда! Посмотрите,
Да научитесь смотреть!
Снимите
С душ запыленный монокль тысячелетий,
Он врезался в душу и заставляет ее хрипеть,
А ведь у вас есть розовенькие дети!

Женщина:

Мы боимся города, когда он начинает скакать
С одной
Крыши на другую,

Как каменная обезьяна,
Поутру и
Порой
Вечеровой
Нас тысячью голосов пугать,
Вылезая, как из медальона, из тумана.

Мужчина:

У города нечищенные, желтые челюсти фонарей!

Другой:

Каждый день рушатся достраивающиеся скелеты!

Третий:

Трамвай слопал у меня пять детей!

Девочка:

Я не могу есть дома, как конфеты.

Лирик:

Вырожденцы! Занавесьте суетою
Свой разговор!
Смотрите: день ночует! В воздухе смуглеют почки!
Город взмахнул трубою
Завода, как дирижер,
И вставил огни витрин в вырез фракной сорочки!
Смычок трамвая заскользил по лопающимся проводам,
Барабаном загудели авто по мостовой,
Все пляшет здесь и там,
Трам-бум-бам!
Научитесь каждый быть самим собой!

Художник:

Послушайте...

Лирик:

Я и сам знаю, что электрической пылью
Взыскриваются ваши глаза, но ведь это потому,
Что вы плагиатируете фонари автомобильные,
Когда они от нечего делать пожирают косматую тьму.

Художник:

Послушайте...

Лирик:

Вы скажете, что ваше сердце ужасно
Стучит, но ведь это же совсем пустяки;
Вы, значит, не слышали входной двери: всякий раз она
Оглушительно шарахается, ломая свои каблучки.

Художник:

Нет, кроме шуток...

Лирик:

Вы уверяете, что корью
Захворало ваше сердце – но ведь это необходимо хоть
раз!

Художник:

Вы в этом убеждены?

Лирик:

Хотите – с доктором поспорю!
У каждого бывает покрытый сыпнойю болезнью час!

Сутолока увеличивается. Проносится пожарная автомобилья. Факелы вместо фонарей. Она налетает на тэф-тэф похоронного бюро, перевортывает гроб и волочит труп по земле.

А вот, когда вы выйдете в разорванный полдень
На главную улицу, где пляшет хóлодень,
Где скребут по снегу моторы свой выпуклый шаг,
Как будто раки в пакете шуршат, —
Вы увидите, как огромный день, с животом,
Раздутым невероятно от проглоченных людишек,
На тротуар выхаркивает, с трудом
И пища́, пищи излишек.
А около вскрикивает монументальная женщина скорбно
И пронзительно. Ее душит горбатый грешок.
Всплескивается и хватается за его горб она,
А он оседает, пыхтя и превращаясь в порошок.

Художник:

Послушайте! Это, в конце концов, невыносимо:
Каждый день машины, моторы и водосточный контрабас.

Невеста:

Это так оглушительно!

Лирик:

Но это необходимо,
Как то, чтобы корью захворало сердце хоть раз.

Газетчик:

Вечерняя почта! Не угодно ль купить!

Разносчик:

Идеальные подтяжки! Прочнейшая нить!

Газетчик:

Синтез целого дня! Кровавое сражение!

Лирик:

Перепутайте все имена неожиданно!
Надо именить
Лидией – Анну
И Еленой – Евгению.
Пространство и время умерли вчера!
Любовь умирает, как голубь под крышей!
А ваше настроение —
Это биржевая игра:
Я закричу – и оно, как акции, поднимается выше.

Из I-го этажа:

Какой огромный человек!

Разносчик:

Чудодейственный лак!

Из II-го этажа:

Он расклеивает свои интонации на сердца, как на столбы!

Из бельэтажа:

Почему народ вокруг него изнемог, и измяк,
И перестал держаться за нижнюю юбку судьбы.

Издали раздаётся голос Любимого поэта. Он приближается и входит.

Любимый поэт:

Я хотел вам прочесть отрывок величавый

Из новой поэмы «Серенада в восемь».

Голоса:

Браво, браво!
Просим! Просим!

Любимый поэт:

Я нервно шляпу коверкаю
И слушаю звуки голоса...
Вы стоите пред этажеркою,
Заплетая волосы.

О милая! Как жалко,
Что Вы далеко там.
Влажный запах фиалки
Меж телом и Вашим капотом.

Озираюсь на вечер душный,
Улыбаюсь с тоскою.
Вам шлю поцелуй воздушный
Тонкой рукою.

Ваши черные косы, как рамы,
Овал лица обрамляют...
Неужели не жалко Вам, Дама,
Что мой поцелуй пропадает?..

Крики:

Браво, браво! Чудесно!

Критик:

Ваше имя и так нам известно;
Вы слывете утонченнейшим стилистом
И поэтом влюбленным.
Мы любим внимать вашим истовым,
Горделивым звонам,
Вы улыбаетесь в стихах благородно, хотя фривольно!
Прочтите еще нам!

Мотор:

Довольно!

Лирик:

Слушайте, кретины...

Голоса:

Так с нами не говорит никто!

Нас обычно величают: «Милостивые государыни и государи!»

Лирик:

Так ведь в моей душе сотни карманов, как в пальто.

У моего мозга почтительные лица и свиные хари!

Я выну из правого кармана: «Слушайте, братья!»,

А из левого лезет: «Слушай, кретин!»

Все равно! Я швыряю стоглавые объятия,

Незапачканные в помойке привычек и рутин.

Ведь если даже церковь привстала на цыпочки

И склонила внимательно свой купол ко мне,
Так это потому, что я новою правдою выпачкан,
А мои удары не канифоль на струне,
Не канифоль, которую можно стряхнуть.
Даже мостовые встают на дыбы мне навстречу,
Целуются рябым лицом, мне падают на грудь.
Я дымами, домами и громадами искалечен,
Вы не видали...

Мужчина:

Мы ничего не видали!

Лирик:

Вы не видали, как вчера, привязанного к трамваю,
Грохоты проволокли отдых в гранитном канале.

Мужчина:

Я все вижу – и забываю.

Лирик:

У отдыха было измученное лицо, как у дня,
Он хотел спрятать голову под крыло моего биплана,
Но биплан рванулся, над отдыхом, тр...

Биплан:

rrrr...

Лирик:

уня,
И завор...

Биплан:

рррр...

Лирик:

чал, зар...

Биплан:

ррррр...

Лирик:

ычал тигр...

Биплан:

ррррр...

Лирик:

ом из тумана.
Я вчера встретил – верьте мне —
В переулке тишину
И закрутил ее на вертеле,
Как цыпленка.
А теперь смотрите: я этаж восьмой
К мостовой
Пригну,
Чтоб были игрушки
У вашего ребенка,
Оттопырившего губки и ушки,
А он, как мышь, вползет в библиотеки,
Как мышь, будет грызть книги чужие и мои,
Сделает из Данта воздушного змея! Накройте-ка
Стальной чешуей город, чтоб рай не лил слезы свои!

Приват-доцент:

Он грозит указательным пальцем культуре,
Он не понимает, что культура, как таковая,
Есть вещь в себе, что тридцать первый сонет к Лауре
Значительнее лая

Трамвая.

Лирик:

Так ведь трамвай родился со мною;
Я помню, как он впервые бросил молоко
Лошадей, закусил женщиной нагою
И поскакал по дроби площадей далеко.
Пролетая пассажи,
Гаражи
И темноту матовую,
Блестя электроногтями, перевертывая все нельзя,
Он расколол прямой пробор улицы надвое,
По стальным знакам равенства скользя.

Приват-доцент:

Если сгорят библиотеки, сгорят и мои диссертации
«Об эстетике в древней Америке у инков и омков»,
И с ними сгорят овации,
Которые мне пролили бы ладоши потомков.
Сгорят мои примечания к опискам Пушкина!
Дайте мне насладиться ими хоть!

Лирик:

Исчерпалось лунное пиво в небесной кружке;
Завтра на аэро трясет свою бурую иноходь.

Приват-доцент:

Этот человек сумасшедший! Клянусь великим поэтом,
Он не понимает того, что говорит.

Лирик:

А он, как чернильная клякса, высох над кабинетом,
Он величавым
Октавам
И перепетым
Сонетам
И триолетам
Такую же протухшую будущность сулит.
Он только считает опечатки в сто двадцать третьем
издании Конта,

Пережевывает недомыслие Руссо и других.
Да взгляните: под юбкой синего горизонта
Копшатся руки аэропланов тугих.

Художник:

Но декольтированная улица спокойна в снежном
балете...

Лирик:

Забеременели огнями животы витрин,
У тебя из ушей вылезают дети,
С крыш свисают ноги сосулук-балерин.
Вот смотрите: стою я, зрячий и вещий,
Презирая ваш гнусный, бумажный суд.
Я зову к восстанью предметы и вещи,
Им велю сказать, что они живут.
И огромной ордою с криком «Свобода!»
Ринутся в ваш кабинет и будуар
Крыши и зданья, столы и комоды,
Вывески, и машины, и даже писсуар.
И там, где флюгера встали на страже,
Чтоб возвестить о полчищах новых ветров,

Уже падают в битве, испачканные сажей,
Полки́ домов.

И на вашу культуру с криком и воем,
На ваш мир святынь и книжных мощей,
Огромным разливом бессменным прибором
Обрушится новая культура вещей.
Как флаги, заблещут красные светы
Электротеатров, и вскрикнет вождь-граммофон,
Нам порохом будет сок из котлеты,
И все сольется в зловещем «Вон!»

*Шум взвизгивает. Все сильнее. Нельзя ничего разобрать.
Предметы окружают Лирика. Башенные часы сорвались с
места, и стрелки крутятся по воздуху. С полного хода сры-
вается мотор и врывается в небо. Один дом обрушивается
на Лирика, и он стоит среди груды обломков, размахивая
дымовую трубой. Мотоциклы кашляют без перерыва. Кри-
ки, вопли. Суется Армия спасения. Над всем хаосом щу-
пальцами тянутся красные огни кинемо. И грозно трубою
басит Лирик.*

Машина пронизала каждую секунду отточенным визгом,
Машина заструит мои брыкающие слова по телефону.
В телеграфном стуке всем наглым и близким
Я кидаю пощечину колоссального звона,
Я не настолько слаб, чтоб стать вашим божком,
Спокойным идиолом на стуле,
Я дни струбливаю моим рожком,

А мои ляжки омылись в стогрудом гуле.
Через Атлантический изгибными мостами мои руки
Тяну, я всю рыдальческую землю обниму.

Из II-го этажа:

Это мы уже слышали, это старые штуки,
Он бьется в камере слов, как попавший в тюрьму.

Лирик:

Я пришпорю быстроту и в тьме суматохи
Перепутаю все имена, страну на страну наложу,
Ваши вопли, жалобы, вздохи
На земную ось нанижу,
Если я сел на сегодня, как на гоночную машину,
Если сквозь резину
Моих слов рвется на свободу,
Как воздух сквозь моторную шину,
Все – вскрики и вспенье верфей и заводов,
Животов вокзалов, локомотивов, подобно приват-
доценту,
В беге потерявших дымовых волос взбитые букли
Ревущих пароходов,

Рывающих моментов,
Небоскребов, у которых, как нарывы, балконы набухли...

Девочка:

Как он много говорит... Он хорошенький.

Лирик:

И если вы не понимаете ровнешенько
Ничего,
Так это потому, что, побивая рекорды,
Обогнали в состязании ноги мозга моего
Глупых дней запыхавшуюся морду,
Но мое сердце не устало
И дальше побежит;
Оно набирало
Бензину, говоря с вами,
Очистились его легкие, биплан дрожит,
А время спешит
Стовековыми шагами.
Оно к вам через вечность и два часа прибежит,
А я
Буду далеко, перешагивая могилы и гроба!

Смотрите, как топокопытит, как роет крылом землю
лошадь моя,
Как передо мной отплясывает восторг фабричная труба!
Уррррра!

На биплане.

Биплан:

Тра-та-та-ту-ту-ту-ты-ты-ты!
Тррррррррррррррррр!

Лирик:

Уррррррррра!
За мной горрррррода – на ветрррррррррррровые мосты!
Взгрррррррромоздились горрррры!

Биплан:

Тррррррррррр!

Лирик летит, и воздух пенится около аэро. На поднятые лица изумленных попадает солнце – и они делаются похожими на большие ромашки, у которых удивление обрывает ресницы... И шум пропеллера сливается со скрипом несмазанной земной оси.

Вечный жид

Трагедия великолепного отчаяния

*...Если бы знать! Голодный добывает хлеб
трудом. Оскорбленный мстит. Любовник говорит
женщине: «Будь моею!» Но я сыт, и никто не
оскорбляет меня... Мне нечего достигать – я
обречен на тоску.*

А. Блок. Король на площади

*...Marchant vers la terre promise
Josué s'avavançait pensif et pâlissant,
Car il etaif dèjà l'èlu du Tout Puissant.*
А. де Виньи. Моïсе

...Ailleurs! Plus loin! je ne sais oï.
Lamartine

*Маленькой и черной ЖУК,
СКАРАБЕЮ моей жизни*

ИМАЖИНИСТ

ВАДИМ ШЕРШЕНЕВИЧ.

Й
Е Н Ж
В Ч Ы И
Д.

Издание третье.

Каталог действующих:

Поэт. 25 лет. Резкие углы лица. Причесан очень гладко. Не много стилизуется под англичанина.

Бог. Более известен под именем Иисуса. Говорит тенорком. Столько лет, сколько их промчалось или проплелось от Рождества Христова.

Девушка. Дома собрание сочинений Евреинова и Уайльда. Зимой – шубка с шеншилями. Кольцо с бирюзой. Обо- жает Бердслея и Сомова.

Женщина. Имеет абонемент к Кусевицкому. Смотрела Дункан, но не понравилось. В кафе одна не ходит.

Господины. – Субъекты. – Дамы. – Старики. – Женщины. – Игроки. – Старухи. – Юноши. – И еще разные люди и вещи, которые двигаются, но не говорят, и с которыми вы не познакомитесь, а потому я их имен не помню.

Все здесь написанное случается вчера, сегодня и завтра. Здесь: в Москве и около. Впрочем, случается повсюдно.

Действие первое

Занавес поднимается и...

Притон. Накурено. Бутылки. Женщины. Вино. Кокаинисты с синяками у глаз. Эстетствующие господины с плохо вычищенными ногтями и дамочки, точно спущенные с цепочки Кузнецкого. Народу весьма и весьма много, но все одноцветные (с виду похожие, похожие один и одна на другого и другую. Словно томы собрания сочинения Брюсова в «Сирине»). Такое утомительное веселье, что спать хочется. Не то ветер, не то ночь стучит расцветающими белыми окнами. Да корни луны запутались в вермишели изысканных духов и растрепанных причесок. Ведь вот только что вошел вот этот самый господин, а уже оказывается, что он поэт, правда, малоизвестный, но очень неплохой. Конечно, никто всего этого не знает. Вообще никому ни до кого нет решительно никакого дела. Это совершенно очаровательно. Поэт озирается и как будто что-то вспоминает, припоминает как будто.

Поэт:

Вывалился из прошлого просто, как пьяный седок

Из розвальней на повороте, где выбою,
И какой-нибудь день мною плеснет в рожок,
Как волна на утес зазевавшейся рыбой.
Обвешанный грезами, как рождественская елка,
С уже подпаленной свечами печали душой,
Совсем несуразный, но еще зеленыю колкий,
Я в крест переулков вставлен судьбой.
Раскачавшись на жизни, подобно белке,
На жизнь другую лечу параболой зари
И руки раскрываю, как часовые стрелки,
Когда без четверти три.
Прошлое захлопнул на какой-то случайной
Странице
И нарочно закладку воспоминаний не вложил.
А небом уж кинуты стайные
Птицы,
Словно сетка трепещущих черных жил.
Но тоска все прежняя, потому что такая ж
Земля изрыбилась улыбкой людей...

Один господин:

Не скули и не стонь! На! Понюхай! Узнаешь
Пьяный шаг проштатавшихся дней!
Ты душу, как руки, протянул в пустынях
Этих заселенных городами зал,

Но за этот один изумляющий вынюх
До земли бы
Спасибо
Ты миру сказал.

Предлагает ему кокаину в баночке. Поэт роняет, неловкий, трубку, рассыпает кокаин, поднимает вычурно тщательно порошок с полу, нюхает, нюхает и недоуменно смотрит на тающих окружающих. Чем-то розовым выблискивают его глаза бесхитростные. Для него вытрясено как-то вокруг.

Третий субъект:

Я весь высыпался смехом оттого, что слезы
Почти не блестят на концах ресниц-вееров,
Оттого, что город, эта серая роза,
Опал лепестками увялых домов.
И бегают помыслы, хроморукие странники,
В Медину придуших столетий прозреть!
И в моих зрачках начинаешь ты, странненький,
Сединой
И мечтой
Серебреть.
За окном растекается мокредь и гниледь,
Кнут часов полосует ребра минут,
И ты, сюда вшедший, ты должен вылить

Себя в этот вечер, как в глыбкий сосуд.

*Рассыпает резкая сыпь, резкая сыпь телефонного звонка
раздается. Из трубки вылезает дама. Лезет, выволакивает
себя и свои туалеты. Видно, что нелегко это ей. Но вот,
слава Богу, вылезла.*

Дама:

Мы не знаем: откуда ты? Кем ты вызван?
Как сарафанница, поешь ты, скуля.
И из красной гортани фраз твоих вызвон
Принимает, как морфий, земля.

Поэт:

Над городами вставал я кометой,
Свежим трудом протекал в кабинет,
Но хвоста моих песен в заре разогретой
Ни один другой не увидел поэт.
Из уютной двуспальной славы, как вымах
Огромной руки, я удрал убежать за столетье вперед,
Потому что ласки хрустящих любимых
Облепили меня, как икра бутерброд.

И все недотроги, и все позволиши
Вылиняли шелками на простыне души моей.
И вот у сердца безумные пролежни.
И вот я —
Язык соловья,
А не весь соловей!

В громадный клетчатый платок сморкается, как будто выстрелили. Мельком, боком вырастают, тают, пролетают фигуры видений в белом. Память пошла вспять, в юное детство. И вы видали такие проблески, выблиски прошлого. Трудно сдвинуть глаза с точки, в которую они ввинчены. Застывает, стынет все... Часы что-то пробили. И все сразу очнулось. Все двинулось. Прошло. Все как прежде, только странная воцарилась тишина, и в окне большом туманная только улица видна.

Старик:

Говоришь ты нам ясно, но злобь абажуром
Смягчает слова, рассевая их.
В шамканьи леса протяжном и хмуром
На деревьях случалось мне видеть таких.
Уходили от жен поглядеть, как небом
Ринется поле измять, затопорщить кусты,
И, когда говорили, как в тишине бум,

Полыхали пламенем безумцев мечты.

Господин с бородкой:

И около этих костров, потирая руки,
Потому что все выше палец Цельсия лез,
Ночные сторожа нашей книжной муки
Кутались в тулуп, словно в тогу небес.

Поэт:

Уходил на заводы, как все, кто мыслит,
Чтоб в лязганьи поршней Гоббса открыть,
А ткацких станков танцующий выслед
Вместо речей мне протягивал нить.
Я щелчком моей подписи вспугивал сотни
Нарастающих дел и банки потоком ронял,
Взгляд мой суровый, как пес в подворотне,
Сердито рычал.
Но скучно,
И скучно,
Но скучно
Быть
Сильным,

И еще мучительнее бессильным

Быть!

Я велел

Городам быстробегным и пыльным,

И они не посмели мне в лицо не вспылить!

Я велел —

И Везувий кинул свой пепел,

Эту славу сливая, как в кастрюльку яйцо!

Но напрасно я дикие горы свирепил,

И никчемно я зыкал равнинам в лицо!

Что Рубикон?

Перейден,

Перепрыган

Он шагом моим много раз!

Но когда ж попадет на свежий выгон

Мой обхудавший во хлеве глаз?!

И вот, когда золоченые щупальцы счастья

Мне подали весь мйр и лунный серп,

Я, последний в прекрасной поэтной династии,

Сломал все, что начато, как фамильный герб.

И опять ухожу обнищать просторы,

Наматывать версты на щеки шин.

Это я хоронил у вчерашнего косогора

Последнего из последних мужчин!

Женщина:

Говоришь, что всеилен, что в мйр наш ты выволок
Бредни и глыбы сна, как могучий,
А сам невзрачнее писков иволг,
И возле глаз бессонница взрыхлила кучи.

Поэт:

Вот громадной толпой,
От наркоза дымчат,
Сер от никотина, шурша радужной душой,
Поджидаю, пока меня из будней вымчат
Прыткие топоты в праздник большой.
За бугром четвергов, понедельников рыжих,
За линией Волгой растекшихся сред
Посмотрите: как криками на́ небе выжег
Сплошное воскресенье сумасшедший поэт!

Игрок:

Довольно рассказов! Среди сравнений неверных
Мне одно лишь доступно в вечерних тисках:
Это когда в кабаках и тавернах
Колода, как листья, шуршит в ветреных руках!

Второй игрок:

Ну что же! Начнем! Пусть бедняга судьба
Возле каждого нас заикнется удачей,
И выкрики счастья, как гончих труба,
Зальются по первому снегу плача.
И вот: зеленою вешнюю ужалишь,
И стол, словно пахота, урожаем кричит,
Копни же поглубже крапленую залежь,
Сумей же снять пенки и с могильных плит!

Садятся. Начали. Шуршат. На этого поэта смотрят не то с завистливым подозрением, не то с подозрительной завистью. Точно не определяю: забыл. Уже по одному тому, что женищины, да не одна, а все: и брюнетки, и шатенки, и блондинки – пересаживаются поближе к нему, заговаривают с ним, глазки ему строят, подмигивают ему, этому самому поэту, понятен суетливый жребий и капризный, сюрпризный бег игры. Пауза. Пауза длится. Поэт отходит от карточного стола и очень, до неприличия небрежно складывает

вает деньги в разные карманы. Похоже, что это не на самом деле все, а понарошку, на сцене, в театре, ну хотя бы в опере, в «Пиковой Даме» что ли, где актер, нет, не актер, а артист действительно не знает, что ему делать с этими бумажками, олицетворяющими деньги.

Поэт:

Конечно, везет,
Как всегда и во что бы!
Колода, как улей, свой мед
Отдает
Мне, игроку,
И пчелы карт, которые в злобе
Других пережалили, ко мне, как к цветку!
От этого счастья я пропахнул рогожей,
Потому что на жизни всегда волочу этот куль.
И вот ухмыляются просаленной рожей
В железке – восьмерка и в покере – фуль.
Мне скучно!
Но скучно!
Облеплен удачей,
Не конца Поликратова я страшусь,
А просто мне скучно,
Как скучает зрячий,
Которому глаза промозолила Русь!
Сумасшедшее счастье дано России.

Если б сели за зеленый стол державы,
Так карта Европы и все другие,
Конечно бы, ей, нерожденной, но ржавой;
И так же, как мне, ей безвесело жутко
Встретить набожно в пространствах глухих
Девушку с глазами, как незабудка,
Женщину с сердцем вымученным, как страшный стих!
Ах, нигде,
Но нигде
Так в глуши не прославлены
Частоколы набата и всплески крестов!
Нет, нигде
Это небо так не издырявлено
Мольбами, внесенными сквозь день до облаков!

Игрок:

Опять болтовня! Если счастье-гуляка
Звонит в твой подъезд, открывай-ка скорей!
Иначе уйдет переулками мрака,
И шагами проблещут цветы фонарей.

Поэт:

Как швейцар недоспавший, совсем неохотно
Открываю я сердце на этот костлявенький стук.
Ведь у счастья и смерти похож оскал неплотный
И совсем одинаков злогромкий тук-тук.

Опять садится к столу. Постепенно все взгляды отпадают от поэта. Не кокетничают с ним тонкие девы, полные подведенных глаз. Не засматриваются на него пышные женщины, не подмигивают заискивающе, а пересаживаются от него, подальше усаживаются, отплывают. Все понятно. Ход игры понятен.

Поэт:

Пусть текут эти слезы уплывающих денег
По щекам моих карт за отчаянье шхер,
Но пусть завтрашний день, неврастеник,
Мошенник,
Будет мрачен и черен, но только не сер!
Я гляделся подолгу в пустоты бутылок,
Красную кровь белым вином разводил,
Но коротко подстриженных событий затылок
Меня никогда за собой не манил.
Истекал небылицами образов четких,
Пропотевши верно вздрожавших стихов,
Но в зрочках секунд, кокетках кротких,
До дна не достал я веслом моих снов.

Я могу вам прокрикнуть то единое слово,
На котором земля помешалась вчера,
И зазвучит оно, выкрученное, хаосом снова,
И девушкой руки изломит в вечера.
Я бродил по апостолам, ночевал я в коране,
Все, что будет, я выучил там, дилетант,
Как в грязном, закуренном земном ресторане
Замызганный проститутками прейскурант.
Не видал я шагов рыдающих великанов,
Но ведь знаю, что плачут, и не слезы, а гной!
А он кляксами зеленых океанов
Затопляет прыжок мировой!

*Отходит к окну. Вдруг выучился плакать, плакать хоро-
шими, детскими, важными слезами. Стоит, стынет и ник-
нет у окна с красными, как после поцелуев губы, глазами.*

Поэт:

Вот кричал я. Но в радости, в стоне ли,
В устали камней святых, как поэту слова,
Где вы, уютные, милые, поняли,
Что в небо уперлась моя голова?!
Я согнусь, если надо,
Если надо —
Вспрямею,
Если надо —

Криком согрею
Иззябь тишине,
Если надо —
Суматоху тишиною прокляю!
Почему ж ничего не надо
Мне?!
О, дни мои глупые! Какой исковерк вы
Привлечете тому, кто ненужью томим?!
Вот пойду я, невзрачный,
В мрачные
Церквы,
Как товарищ детства, поболтаю с ним.
Я спокойное лицо его мольбой
Изуродую,
Мы поймемся с ним, мы ведь оба пусты,
Уведу я его за собой,
Безбородого,
Ночевать под мосты.
А если он мне поможет, как сирым
Когда-то помог он распятой душой,
Его высоко подниму я над мйром,
Чтобы всем обнаружить, какой
Он большой!!!

Шатко и валко проходит, ходит к выходу. Шаги стучат по заглушающим коврам, как сердце, говорящее, стучащее любимому вслед: «Мильй! Мильй! Мильй!» Бельмами поблескивает за окном выюга блоковская, метельная, пурго-

вая, снеговая да такая белая, белая, без конца. К отходящему из действия поэту подбегают прислуживающий мальчик и что-то лукавое спрашивает, затаенно предлагает, по-нехорошему. Поэт улыбко глядит на него. Посмотрел в присталь, в упор, быстро отвечает, кинул слово и в двери. Тут...

Плавно и медленно опускается занавес.

Действие второе

Тут поднимается занавес и...

Очень высоко. Немного полусумрачно. Пустовато как-то, ненапол-ненно. На стенах – черные с золотом изображения. Чайные розы свечек огоньком позыбливаются и подергиваются. Воздух пахнет ладаном и славянизмами торжественными. В углу стоит Бог. Как только входит сюда поэт, Бог раскрывает руки, как часовые стрелки, когда без четверти три: ведь его представляют всегда именно так.

Поэт:

Здравствуй!

Здравствуй, как Пьерро из гипса,
Пробелевший в неудобной позе века и года!

Я сегодня об мйр коленкой ушибся

И потому прихожу сюда.

Я прошел сквозь черные вены шахты,

С бедер реки прыгал в качели валов,

Был там, где траур первой пахоты

Грозил с рукава лугов.

Когда пальцы молний терли небес переносицу

И гроза вызернивалась громом арий,

Я вносил высоту в широкополую многоголосицу,
В самую июль я бросал краснощекий январий!
Вместе с землею кашлял лавой
И в века проходил, заглумясь и грубя!
А ты здесь сидел, спокойственно величавый,
Ибо знал, что земля не сбросит тебя.
И сегодня – уставший бездельник труда,
Рождающийся самоубийца и неслух,
Грязный и мутный, как в окнах слюда,
Выцветший, как плюш на креслах, —
Прихожу
К тебе и гляжу
Спроста
Сквозь сумрак, дрожащий, как молье порханье;
Скажи: из какого свистящего хлыста
Свито твое сиянье?

Бог непроницаемо молчит, и только под сводами черного с золотом протянется, тянется вопрос поэта. Вот долетели звуки, звуки взлетели под самый купол, взвихрились, долетели, зазвучали, запели вверху и замерли, попадали обратно, замерли и умерли. Паузит. Только Бог с любопытством рассматривает, разглядывает, глядывает говорящего.

Поэт:

Ну, чего раскорячил руки, как чучело,

Ты, покрывший собою весь мйр, словно мох;
Это на тебя ведь вселенная навьючила
Тюк своих вер, мой ленивенький Бог!
И когда я, малая блоха вселенной,
Одна из его поломанных на ухабах столетия спиц,
Заполз посидеть в твой прозор сокровенный,
Приплелся в усение твоих ресниц, —
Ты должен сказать! Ну! Скажи и помилуй!
Тебя ради прошу: Глазищами не дави!
Скажи мне, высокий! Скажи, весь милый,
Слово, похожее на шаг последней любви!

*Бог опускает руки и потирает их. Открывает, как двери
страшного суда, губы, и большая пауза перед первым словом
Бога распространяется в воздухе.*

Бог:

Вы сами поставили меня здесь нелепо,
Так что руки свело и язык мой затек!
Ведь это сиянье подобно крепу,
Который на мой затылок возлег.
Поставили сюда: гляди и стой!
Ходят вблизи и жиреют крики.
Это вы мне сказали: Бог с тобой!
И без нас проживешь как-нибудь, великий.

Выскоблив с мира, как будто ошибку
В единственно правильной четкой строке,
Воткнули одного, ободранной липкой,
И поцелуи, как кляксы, налили на правой руке.

С тоской улыбается, усмехается. Нервно походит, ходит. Вспоминает детство и родителей, должно быть. Детство, цветы, подвиги и отчизну свою случайную вспоминает. И похаживает нервно.

Бог:

Я так постарел, что недаром с желтым яйцом
Нынче сравнивают меня даже дети.
Я в последний раз говорил с отцом
Уже девятнадцать назад столетий!
Пока зяб я в этой позолоте и просини,
Не слыхав, как падали дни с календаря,
Почти две тысячи раз желтые слова осени
Зима переводила на белый язык января.
И пока я стоял здесь в хитонной рубашке
С неизменно улыбки, как седой истукан,
Мне кричали: «Проворней, могучий и тяжкий,
Приготовь откровений нам новый капкан!»
Я просто-напросто не понимаю
И не знаю,
В сони

Застывший: что на земле теперь?
Я слышу только карк вороний,
Взгромоздившийся черным на окна и дверь.

Поэт:

Все вокруг, что было вчера и позже.
Все так же молитва копает небо, как крот.
А когда луна натянет желтые вожжи,
Людская любовь, как тройка, несет.
Все также обтачивается круглый день
Добрыми ангелами в голубой лучезарне;
Только из маленьких ребят-деревень
Выросли города, непослушные парни.
Только к морщинам тобой знаемых рек
Люди прибавили каналов морщины,
Все так же на двух ногах человек,
Только женщина плачет реже мужчины.
Все так же шелушится мохрами масс
Земля, орущая: «Зрелищ и хлеба!»
Только побольше у вселенских глаз
Синяки испитого неба!

Бог:

Замолчи!.. Затихни!.. Жди!..
Сюда бредут
Походкой несмелой;
Такою поступью идут
Дожди
В глухую осень, когда им самим надоело!

Поэт отходит, уходит в темь угла. Как сияние над ним в угаре свеч и позолоты поблескивает его выхоленный тщательный пробор и блестящие волосы. Замер одиноко. Выступает отовсюду тишина. Бог быстро принимает обычную позу, поправляет сиянье, обдергивает хитон, с зевотой, зеваючи, руки раскрывает. Входит какая-то старушка в косянке.

Старушка:

Три дня занемог! Умрет, должно быть!
А после останется восемь детей!
Пожух и черней,
Как будто копать.
Пожалей!

Я сама изогнулась, как сгоретая свечка,
Для не меня, для той,
Послушай!
Для той,
Кто носит его колечко,
Спаси моего Ванюшу!
Припадала к карете великого в митре!
Пусть снегом ноги матерей холодны,
Рукавом широким ты слезы вытри
На проплаканных полночью взорах жены!

*Семенит к выходу. Высеменилась. Подыбленная тишина
расползается в золото и черное. Бог опять и снова сходится
с поэтом посредине. Бог недоуменно как-то разводит рука-
ми и жалобливо, безопытно смотрит на поэта.*

Бог:

Ты слышал? А я не понял ни слова!
Не знаю, что значит горе жены и невест!
Не успел я жениться, как меня сурово
Вы послали на смерть, как шпиона неба и звезд.
Ну, откуда я знаю ее Ванюшу?
Ну, что я могу?!. Посуди ты сам!
Никого не просил. Мне землю и сушу
В дар поднесли. И приходят: «Слушай!»
Как от мороза, по моим усам

Забелели саваны самоубийц и венчаний,
И стал я складом счастья и горь,
Дешевой распродажей всех желаний,
Вытверженный мйром, как скучная роль!

Поэт:

Я знал, что ты, да – и ты, несуразный,
Такой же проклятый, как все и как я.
Словно изболевшийся призрак заразный,
По городу бродит скука моя.
Мне больно!
Но больно!
Невольно
Устали
Мы оба! Твой взгляд как пулей пробитый висок!
Чу! Смотри: красные зайцы прискакали
На поляны моих перетоптанных щек!

Бог:

(потягиваясь и мечтательно)

Выпустить отсюда, и шаг мой задвигаю
Утрамбовывать ступней городá и нивы,

И, насквозь пропахший славянскою книгою,
Побегу резвиться, как школьник счастливый.
И, уставший слушать «тебе, господину»,
Огромный выюк тепла и мощи,
Что солнце взложило земле на спину,
С восторгом подниму потащить я, тощий!
И всех застрявших в слогах «оттого что»,
И всех заблудившихся в лесах «почему»
Я обрадую, как в глухом захолустьи почта,
Потому,
Что все, как и прежде, пойму.
Я всех научу сквозь замкнутые взоры безвольно
Радоваться солнцу и улыбке детей,
Потому что, ей-Богу, страдать довольно,
Потому что чувствовать не стоит сильнее!
И будут
Все и повсюду
Покорно
Работать, любиться и знать, что земля
Только трамплин упругий и черный,
Бросающий душу в иные поля.
Что все здесь пройдет, как проходят минуты,
Что лучший билет
На тот свет —
Изможденная плоть,
Что страдальцев, печалью и мукой раздутых,
Я, как флаги, сумею вверху приколоть!

Поэт:

И своею улыбью,
Как сладкою зыбью,
Укачаешь тоску и подавишь вздох,
И людям по жилам холодную, рыбу
Кровь растечешь ты, назначенный Бог!
Рассказать, что наше счастье великое
Далеко, но что есть оно там, – пустяки!
Я и сам бы сумел так, мечтая и хныкая,
Отодвинуть на сутки зловещие хрусты руки.
Я и сам, завернувшись в надежды, как в свитер
верблюжий,
Укачавшись зимою в молитвах в весну,
Сколько раз вылезал из намыленной петли наружу,
Сколько раз не вспугнул я курком тишину!
Но если наш мир для нас был создан,
Что за радость, что на небе лучше, чем здесь!
Что ж? Поставить твой палец, чтоб звал между звезд он:
«Уставший! Голубчик! Ты на небо влезь!»
Ведь если не знаешь: к чему этот бранный,
Купленный у вечности на вырез арбуз,
Если наш шар – это лишь у вселенной
На спине бубновый туз —
К чему же тебя выпускать на волю?
Зачем же тебя на просторы пролить?

Ведь, город из поля воздвигнувший, полем
Город не смеет обратно манить!
Сиди, неудачный, в лачуге темной,
Ты, вычеканенный на нас, как на металле монет,
Ты такой же смешной и никчемный,
Как я – последний поэт!!!
Сиди же здесь, жуткий, тишиной
Зачумленный,
Глотай молитвы в раскрытую пасть,
Покуда наш мйр, тобой
Пропыленный,
Не посмеет тебя проклясть!

Стремительно выбегает из очень высокого, черного с золотом, и бурно падает гроыхающий, летающий занавес.

Действие третье

Сразу запахло в воздухе листвой, заиграла музыка, и, как легкие облака, проплывает в сторону занавес, и... Поле как таковое. Самая убедительная весна. Медленно и нелепо проходит, в широкой шляпе, с галстуком широким бантом, прохожий юноша.

Юноша:

Там, где лес спускается до воды,
Чтоб напиться, и в воду кидает теней окурки,
Как убедительны пронзительные доводы
Изнемогающей небесной лазурки!
И хочется солнцу кричать мне: «Великий, дыши,
Истоптавший огнями провалы в небесах,
Где ночью планеты, как будто выкидыши,
Неочертаны в наших зрачках!»
А грозе проорем: «Небеса не мочи,
Не струйся из туч в эту сочную ночь!»
Потому что корчиться в падучей немочи
Этим молниям сверким невмочь!
Потому что к небу обратиться нам не с чем,
Потому что вылегли слова от печали, как градом хлеб,
И любовью, как пеною жизни, мы плещем

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.